

АЛЕКСЕЙ
ДОМНИН

ПОХОД
НА ЮГРУ

Выпуск 19

АЛЕКСЕЙ
ДОМНИН

ПОХОД НА ЮГРУ

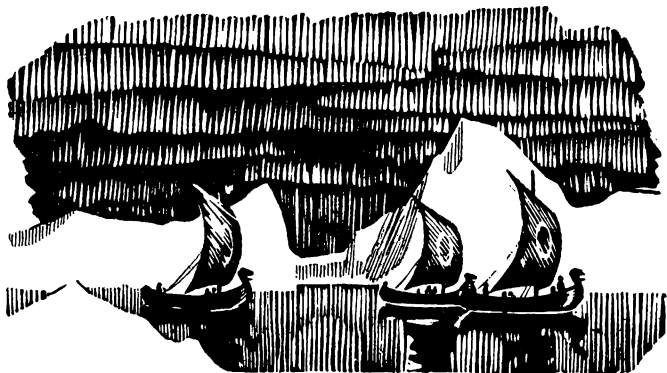
Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 4

О сказочных богатствах Урала на Востоке и Западе рассказывали легенды. Там, дескать, белки падают с неба дождем и соболя стелются черной метелью, там у ног плосколицых югорских идолов лежат горы серебра знаменитой хоросанской чеканки...

Издавна манили к себе русских немалые уральские земли: одних — богатствами, других — волей. Но долог и труден путь к Каменному поясу «через леса, пропасти и снега». В основу повести А. Домнина лег рассказ Новгородской летописи об одном из первых походов новгородцев на Урал «за серебром и соболем» в 1193 году. Трагически окончился этот поход.

«Поход на Югру» — вторая повесть А. Домнина в нашей серии (первая — «Дикий карьер» — вышла в 1960 году). Алексей Михайлович Домнин родился в 1928 году в г. Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Урал», «Молодая гвардия». В Пермском издательстве вышли его книжки «Мау-ми» (1959 г.), «Матушка-Русь» (1960 г.), «Солнышкин шарф» (1962 г.), «Будилка» (1963 г.), «Последний глоток воздуха» (1964 г.).

Художник Ю. Лихачев

СОКРОВИЩА ЦАРЕЙ ВОСТОКА

В покои боярина Вяхиря привели человека с желтым лицом, в одежде из кишок моржа и белых шкурок маленьких тюленей. Он был худ и слаб, только глаза цвета спелой сливы были горячи и полны жизни.

Близ конца земли, где вливается Двина в Полуночное море, в жилище бедного охотника-помора нашли его боярские люди, ходившие за данью.

И узнали в нем Мухмедку-персианина.

Много весен назад приплыл непутевый купец с южными горячими глазами на немецкой крутобокой ладье. И прижился в Новгороде, как свой.

Бывало, что надолго исчезал. И опять возвращался то в пышной свите болгарских послов, разодетый в красные мягкие сапожки и длиннополый плащ из лилового бархата, то стриженный под гречанина, в одной нательной рубашонке, с острыми от худобы коленками и локтями. Торговал всякой всячиной, наживал казну и снова становился гол.

Однажды ушел с вольными ушкуйниками на пяти ладьях по хмурой Онеге. Мыслили ушкуйники плыть Полунощным морем дальше Печоры и Каменного пояса, где не был никто из людей.

Ушли, и не стало от них вестей.

Боярин указал принести для хвораго подушки и всю ночь пытал его о виденном.

В покоях застоялся запах зимы и пересохшего мха. Чадили свечи, и на стенах колыхались тени.

Сказал боярину непутевый торгаш:

— Телу надобна пища, чтобы сохранять силу, нужна пища глазам, чтобы хранили они огонь жизни и не стали злыми и тусклыми, как у запеченой мыши. Я прожил десять жизней и все, что видел и знаю, уснет со мной. Только одно я скажу тебе — чего не может вместить мое сердце, издававшее сверх меры ужасное и смешное.

Персианин прикрыл рукою воспаленные веки. Он лежал на скамье на подушках и шумно со стоном дышал.

— Слушай, боярин, слушай.

В море Сумрака, прозванном греками Медвежьим, когда ветер разорвал на тряпки наши паруса, вспыхнул над нами цветной небесный огонь и пошли к берегу льды высотой в три терема. Наша ладья дольше других уходила в разводья, пока ей не раздавило корму, как дверью лисий хвост.

Я один добрался до берега. Я шел по земле, где много воды, а белый мох с красными цветами густ и плотен, как зимняя шкура зверя. С головы моей ушли волосы, а зубы я выплюнул, словно скорлупки лесного ореха. Я добрался до Каменного пояса. Как? Всюду на земле живут люди, и они примут тебя, если не тень меча, а протянутую руку увидят перед своей дверью. Они посадят тебя к очагу и дадут строганные кусочки мороженой рыбы и горячее мясо оленя — все, что едят сами.

Слушай, боярин, слушай. Я был там, где не ступала нога чужеземца, на горе, похожей на уши крутолобой рыси, где скалы изрисованы темной охрой. У тебя бы лопнули там глаза от жадности и высохла кровь от бессилия. Ты бы остался лежать там скелетом вместе с костями белых коней и сохатых, которых угры принесли в жертву своему богу.

В пещере, где воют камни при звуке голоса, я видел безносую статую из желтого золота с монетами вместо глаз. Она была обвешана серебряными ожерельями и поясами, как нищий лохмотьями.

Ты не знаешь, боярин, это было серебро моих предков. Много серебра. Курганы блюд и кубков с начеканенными лицами восточных царей, с грозными фигурами зверей и грифонов. Курганы монет и украшений, смешанные с землей и костями белых коней и сохатых, принесенных в жертву югорскому богу.

Я гладил шершавыми пальцами позолоченную чашу — с нее смотрели на меня тусклые глаза парфянского царя Ардашира. Он жил в столетье, с которого считают новое время христиане. И, может быть, он пил из этой чаши солнечное вино.

Я плакал. Ты не поймешь этого, боярин. Я плакал потому, что искусные изделия моих предков, мастеров Хоросана, были свалены у ног чужого безносого бога с монетами вместо глаз. Этого не могло вместить мое сердце.

Вы, новгородцы, ведете счет дней от Гостомысла и не знаете, что было прежде вас.

Было на Востоке в начале новых столетий могучее царство на месте старой Парфии. Правили им персы, прозванные сасанидами.

Если бы на их пир пришел весь Новгород — все равно гости ели и пили бы только из драгоценной посуды.

Но явился среди арабов человек по имени Магомет, и его называли пророком. Он сказал: «Рай находится под тенью мечей». И арабы подняли мечи войны. Великой кровью заставили весь Восток склониться под их знамя и принять новую веру — ислам.

Держать в доме вещь, на которой был рисован человек или зверь, стало равным идолопоклонству.

И тогда густо потекло серебро старой хоросанской чеканки во все дальние земли — на Волгу к хозарам, на Каму к булгарам и еще дальше — по Серебряной реке Нуркат на Каменный пояс. В страну, где белки идут дождем, а соболя скачут черной метелью.

Потекло в обмен на драгоценные шкурки соболя, бобра и рыси. Югра, почитавшая светлый металл больше собственной жизни, платила за него меховыми горами, не зная, что за серебро платит золотом.

И никто не ведает, какие сокровища моих предков скопились у Каменного пояса.

Я так говорю тебе, боярин, потому, что мне больно знать это. Больно знать, что труд мастеров Хоросана служит чужому богу.

Нет, я ничего не взял у безносой статуи. Я тихо ушел в тайгу. Ибо чужеземец, увидевший ее лицо, не должен оставаться живым. Таков закон Югры.

Для тебя богатство — то, что ты держишь в руках. Для меня то, что узнали глаза и уши. Но не все может вместить сердце.

Ты, боярин, похож сейчас на голодную росмаху. Готов грызть меня за то, что я видел это. Ты пойдешь на Югру и разграбишь гору, похожую на уши крутолобой рыси. Но мне теперь все равно. Я рассказал тебе то, что не могло вместить мое сердце, пресыщенное смешным и жестоким.

...Непутевый торгош Мухмедка-персианин не вышел из боярских покоев. Челядинцы шептались, будто отойти в другой мир он поспешил.

Боярин Вяхирь поставил в божнице свечу за упокой иноземца. На всякий случай.

И повелел призвать к себе холопа своего Савку.

ЗАДРЕМАВШИЕ ВЕТРЫ

Непутевому Якову, сыну кривого Прокши, попала вожа под хвост. Потому ли, что остался не у дел и был искупан в луже веселой новгородской вольницей. Или другая на то причина.

Потребовал он у жены квасу и выплеснул его в цветок, швырнул сапогом в кота, дремавшего на лежанке, и остриг полбороды, смотрясь в нечищенный медный поднос.

— Опять приключилось что? — робко спросила Малуша. У нее было добренькое лицо в морщинах, с родинкой на кончике носа.

Яков погладил себя по животу, вдруг хлопнул по нему ладонью и захохотал:

— Глянь, отъелся. Расперло, как надутую лягушку. А рожа, смотри, рожа какая! Словно клюквенным соком налита. Надави и брызнет. Хоть в посадники с такой рожей просись.

Он хохотал долго и без удержу, охлопывал себя, будто выбивая пыль. Потом вздохнул, как при боли, и пробасил:

— Помнишь, как выкрал тебя из батиной ладьи. Ни единая душа не заметила.

— Опять уйдешь? — устало спросила Малуша. Она ссутулилась и бессильно опустила руки.

Было сумрачно в доме. Пахло резкой свежестью после грозы.

По молодости гулял Яков на Ладоге с разбойным станом, потрошил купцов проезжих. Был он тогда худощав и смугл, носил в ухе золотую серьгу-полумесяц. Привел однажды в стан перепуганную девицу с родинкой на кончике носа. И венчался с ней под волчий вой и шум сосновый.

А после торговал товарами скупого тестюшки в разных землях, пока не проторговался. Стал сотником и хаживал в воеводской дружине на Чудь белоглазую, в Емь и Карелу.

А Малуша только и знала, что готовить его в дорогу и тосковать в одиночку в долгие зимы.

На склоне лет пришел было в дом покой. Проворовался настоятель церкви Прасковьи-Пятницы в Славянском конце отец Олфима. Ремесленный люд и купцы растаскали его двор по бревнышку, а самого завязали в мешок и оставили на колокольне. И на вече назвали новым настоятелем Якова — он и в грамоте искусен, и на руку почище.

Яков облачил тучное тело в рясу и принял сан. Прихожане сначала над ним похохатывали. Потом терпели. Кому придется по нраву, если на проповедях у него пересмешки вместо благолепия и торжественности. А исповедовать взялся он так, будто дознание вел: все Расскажи — что, почему и как.

И лопнуло терпение у прихожан, когда однажды во время крестин приковылял в церковь молодой медведь в красной рубахе, сел перед Яковым у царских врат и стал отчаянно вычесывать за ухом. Медведя Яков купил у прохожего скомороха прошлым летом.

Крику и визгу было в церкви! Успел отец Яков затащить мишку в алтарь и удрать с ним в окно.

Медведь убежал, а Якова изловили. Слегка намяли бока, искупали в луже и прогнали с миром. Остался он при сани и без прихода. Затосковал.

— Чуешь? — спросил он Малушу. — Плесенью в доме пахнет.

И втянул воздух широкими ноздрями.

— Окстись, все двери настежь.

— А я говорю — пахнет.

— Пахнет, пахнет, — согласилась супруга. — Что в путь готовить? И куда?

— Не спеши, — отстранил ее Яков, маленькую, сутулую, печальную.

И на мохнатом белогривом Пегашке уехал к Гостиному полю. Ветры нюхать.

За Крутым порогом на стремнине Волхова стоят в два ряда крутобокие корабли с выгнутыми носами и осевшей кормой. Скалятся сверху на воду безглазые звериные пасти на длинных шеях. Все, как в песне поется:

Нос-корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.

На берегу — костры, толчея, разноязыкое веселье.

Яков расправил плечи и запрокинул голову. Неподвижен и чист воздух. Прозрачны зеленоватые струи Волхова, и небо вдали цвета прозрачной зелени.

Яков идет по сырому песку от ладьи к ладье, вытягивает воздух широкими ноздрями, морщится или с наслаждением чмокает, прикрыв глаза.

К тонким запахам воды, сырых камней и дыма примешались неуловимые ароматы имбири и корицы, нездешних плодов и пряностей. Пахнет застоялыми трюмами, мокрой солью и задремавшими в мачтах дальними ветрами. Просторен мир и непонятен.

Осел на один бок облезлый кораблик на мелководье. Струи лижут зеленую морскую накипь на днище. Воткнулись в песок весла, а на шегле свисают оборванные снасти и тряпки паруса. На бруске борта спит человек с бритой головой, свесив за борт босую ногу.

Яков щелкнул по борту камешком. Крикнул бритому:

— Откуда?

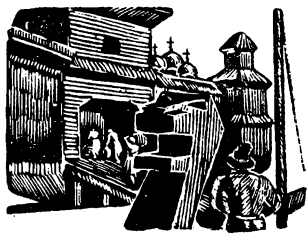
Тот поднял голову, сплюнул и не то обругал, не то ответил.

Хорошо Якову.

Человека гонит в дорогу мечта. Или беда. Или леший его знает что — ноги должны ходить, а глаза видеть.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОД

Велик и славен город на Ильмень-озере. На торжище под Горой — даже слепой прозреет и растеряет глаза в тысячеголосой толчее, где меняют венгерских иноходцев на греческий бархат, где немчин сыплет арабское серебро за многопудовую болгарскую

медь, где целуются и дерутся и пестрят перед взором лохмотья и золото. Горы товаров. Серебристые соболи и бобры, не имеющие цены на Востоке и Западе, клыки моржа, чистые, как слоновый бивень, воск, янтарь, кожи, злобные северные кречеты, нежные осетры — вот оно, богатство Новгорода.

Велики владенья Новгорода — от Балтийских берегов до Каменного пояса его чети и поселения. Чудь белоглазая и Карела, Емь и Самоядь, что живет у моря и боится воды, Великая Пермь, что не умеет делать железа, и загадочная Югра — все данники Новгорода.

Но только слабый принесет дань своею волей, да еще и поклонится.

О богатствах строптивой Югры рассказывают легенды. Но легче в Грецию сходить, чем добраться до Каменного пояса. И никому не ведомо, чем будет потчевать Югра — лаской или стрелами.

Шесть годов назад хаживала к ним новгородская дружина. Обожглась. Кому довелось вернуться, про такие страхи рассказывали, что не каждый теперь снова идти отважится.

Тогда же ушел вслед войску изгнанный из Новгорода дядька Якова — Помоздя, прозванный Молчуном.

Больше одного слова за день от него никто не слыхивал. Коли осерчает, мазнет кулаком обидчика по скуле, сплюнет и уйдет, пока тот на земле барахтается. Побитый только утрется, но шум поднимать не станет. Потому что ходила за Помоздей слава человека справедливого, зазря не ударит.

Однажды на торжище уложил он купца, менявшего гнилые кожи. И кожи его изорвал. Купец сле оправился, заикаться стал. И призвал Помоздю на суд за обиду и за то, что подстрекал он якобы чернь на грабеж и смуту.

Такго навета Помоздя стерпеть не мог. Перед долгополыми боярами и посадником еще раз ударил наветчика, да так, что из того торгашеская душонка вытекла прочь.

И ушел из города с тремя такими же несловоохотливыми сынами куда глаза глядят, куда ноги несут.

Вернувшийся из Югры дружинник рассказывал Якову, будто бы видывал сынов Помоздиных за Великим Волоком, в междуречьи Печоры и Вычегды. Батю они схоронили и поставили в том месте избенку.

Тогда же выменял у дружинника Яков выцарапанный на бересте чертеж путей через Пермь Великую на Каменный пояс. Клялся дружинник, будто другого такого чертежу нету, что по нему еще век назад Гурята Рогович хаживал на Печору «через леса, пропасти и снега».

Был год 1193. Снаряжал новгородский воевода Ядрей дружину. В дальние земли, на Югру.

Сговорился Яков с пузатым воеводой, что сам поведет его разбойное войско.

Давал воевода Якову коней и все, что надобно для войска в двести топоров, за это требовал три десятины добычи.

Яков помолодел. Скинул рясу и вддел в ухо золотую серьгу-полумесяц, с которой гуливал в атаманах в давние годы.

Осень. Купаются в канавах потяжелевшие гусята. На Кожевенной улице колышется парок над колодцем долбленного из сосен водопровода и воняет кислыми кожами.

Едет на своем медведе верхом захмелевший Яков, без шапки, с золотой серьгой в ухе. У медведя бубенцы на шее, красная рубаха снизу иссечена в ленты.

За Яковом с посвистом и приплясом бегут ребятишки и зеваки.

— Эй, люди честные, силачи записные, кому охота о мишкины бока руки почесать?

Выехал было из низких ворот мужичок на лошади. Конь захрипел, попятился и понес седока во весь опор через огороды.

У ворот жметса детинушка в косую сажень ростом. Он с котомкой, в лаптях и порванной до пояса полинялой рубахе.

Яков подвел к нему зверя и вдруг испуганно крикнул:

— Боярин!

Мишка присел и закланялся, жалостливо постанывая.

Детина почесал волосатую грудь и отошел.

— Не уважают мишеньку, — погладил Яков зверя. — Обидели мишеньку.

Медведь облизнулся розовым языком, скосил маленький глаз и пошел на детину, позвякивая бубенцами. Детина попятился.

— Отгони зверя. Зашибу ненароком.

Ударил мишку ладонью в нос. Тот отскочил, взревел и двинулся на обидчика.

Улюлюкали и хохотали молодцы и зеваки, приплясывая от потехи. Детину и зверя прижали к забору. Тот сдвинул медведю лапы и крикнул:

— Уберите, зашибу!

И вдруг выломил из забора слегу. Перехватил его руку Яков, крикнул мишке:

— Умри.

Медведь снопом повалился ему под ноги. Детина шумно сопел, серые глаза были злыми.

— Зовут как?

— Омеля. Почто зверем травишь?

— Пойдешь ко мне в дружину?

Детина подумал. Поднял с тропки оброненную кем-то берестяную грамотку. Прочел по слогам: «Недоумок писал, совсем дурак, кто читал». Отбросил в сердцах. Мрачно ответил, поглядывая на золотую серьгу:

— Не пойду. Пусти.

— Беглый? — прищурился Яков.

Детина вздрогнул, ссутулился и замахнулся:

— Иди ты...

У него были воспаленные затуманенные глаза голодного человека.

Любопытные уже запрудили улицу, задние тянули шеи и напирали на спины, не зная в чем дело.

К Якову протолкался Савка, дворовый человек боярина Вяхиря.

— Атаман, — снял он шапчонку. — Меня на звере испробуй.

Был Савка невысок ростом, но кряжист и крепок, как старый дубовый пенёк. У него были длинные не по росту руки, одной левой мог он подкову согнуть.

Был Савка зол на весь белый свет. За свои злосчастья.

Промышлял он прежде ремеслишком: вил тонкую скань, нанизывая на нее мелкие бусины и стекляшки, сбывал невзыскательным деревенским молодухам.

Но был в городе мор и голод. Пришел с ладожской стороны волхв и звал зорить боярские дворы.

Гуляли пожары, на улицах оставались несхороненные тела. И никто не хотел смотреть на дешёвые Савкины безделушки.

Тогда и разорился Савка вконец и проданся Вяхирю взакуп. А на боярский двор только ступи — вмиг окажешься в холопах. И не выйдешь из кабалы.

Утром призвал к себе Вяхирь Савку и сказал, чтобы шел на Югру с атаманом Яшкой.

— Вперед вместе, а назад один. Уразумел?

— Уразумел, — ответил Савка, и кровь отхлынула от лица.

— Путь примечай, потом меня с войском поведешь. В атаманы выйдешь.

Не тороплив боярин Вяхирь. Хватка у него медленная и мертвая. Не бросится он в неведомую даль сломя голову. Он подождет, подготовится и нагрянет с крепкой дружиной в гости к золотому безносому богу. А пока...

Посулил боярин Савке почет и волю. И добавил, ласково улыбаясь:

— Пришли-ка на двор бабу с отроком. Пусть пока глину месят при холопской гончарне.

У Савки перехватило дыхание.

— Помилосердствуй, батюшка!

Прищуренный глазок боярина был желт и холоден.

— Пшел.

Есть ли что на свете страшнее неволи?

Десятый годочек сыну Тишате. Болезненный он, несмелый. Выпрашивает на бойне бычьи рога и режет из них что надумает. Искусно точит зверюшек тонкими ножиками. Чистенько. Днями вырезал гребень с дерущимися конями — каждый волосок проточил на гривах.

Не потрогал Савка радости. Так хоть Тишате ее узнать бы.

Рви себе лицо, бейся о землю, кричи — ничто не поможет. Будут Тишата с матерью месить едучую глину босыми ногами на морозе, подливая в нее горячую воду. Сперва потрескается кожа на икрах, а потом засверлит кости нестерпимой болью.

Будь проклята кабала. Ногти в кровь издерет Савка, а выкарабкается. Должен вернуться он с ношей мехов и серебра. Поставит свои лабазы в

меховом ряду, заведет торги, и будут перед ним черные люди шапки ломать, как ломают нынче перед Яковом.

К горлу подступила дурнота и мешала дышать. Будто ворочался в груди темный лохматый зверь.

Говорят, очищается человек, изведав несчастья в полную меру. Станет крепок и светел сердцем. Так ли? А если беда ему не по силам? Согнет она и сломит. Душу наполнит желчью, а взгляд — отчаянием, как у затравленной росوماхи.

Медведь тянул Якову лапу и звенел бубенцами, вымаливая сладостей, как последний попрошайка.

— Испробуй, — кивнул Савке Яков. — Поваляй зверя наземь — даю две куны серебром. Он одолеет — не взыщи: потешная порка.

— Ладно.

Бросил Савка наземь шапчонку, обошел зверя. Тот косил глазом и переступал за ним по кругу.

Савка нырнул ему под правую лапу и оказался сзади. И повис на ушах у зверя, упершись коленом в горбатую спину. Мишка взревел, запрокинул голову.

У Савки на шее надулись жилы. Всею силой рванул зверя на себя, мишка оступился, шмякнулся и перекатился через голову.

Толпа ревела. Взбешенный медведь наступал на Савку во весь свой рост с налитыми кровью глазами. Савка поднырнул ему к животу и вцепился в красную медвежью рубаху, провонявшую прелой шерстью. Медведь пытался схватить его короткими лапами без когтей и больно бил по плечам.

— Моя взяла, — хрипел Савка. — Моя взяла.

— Его победа! — кричали в толпе. — Плати куны.

Яков отогнал зверя и взял его за цепь. Бросил, не глядя, Савке серебро.

— Не надо, — сказал Савка. — Возьми в свою дружину, пригожусь.

Он стоял, прижав к груди шапку. Глаза были скрыты тенью.

ПУТЬ

Двести молодцев, крепких и широкогрудых, отобрал Яков в разбойное войско. Был тут Савка — подневольный человек, Омея, сын колдуна Волоса — Зашиба, черный, будто кашей, воеводские дружинники и вольные люди, богатенькие и беспортошные.

Долог путь. Спешили ушкуйники достигнуть до ледостава Устья Великого, что стоит в устье Сухоны-реки на Двине.

Были дожди. Затяжные и холодные. Промокла земля, промокло небо, промокла и задубела одежда.

Потом дохнуло морозом, а тучи стали синими и тяжелыми. Мокрый снег слепил коням глаза. По утрам они резали ноги о молодой острый ледок, скользили и спотыкались.

Грузный Яков похудел и подтянулся. Стал сосредоточен и молчалив. Только иногда вдруг за-

болтает ногами на своем белогривом Пегашке, засвищет разбойничьим посвистом и пустится вскачь по избитой дороге.

Остались позади Векшеньга и Тотьма — погосты новгородских доможирцев, собирающие дань с местных племен.

Яков ехал впереди, сунув шапку за пазуху. Был морозец и ветер. Запоздалые листья, желтые и пурпурные, летели на снег и под ноги коням. У щеки Якова покачивалась желтая серьга, похожая на жесткий осенний лист.

Савку злила эта серьга. Легко дается Якову жизнь. И он кичится этим. Савке бы это золото. Савка бы зажил.

Он не знал, как бы он зажил, но при одной мысли об этом сердце купалось в тепле.

Яков придержал коня и крикнул:

— Уговор таков: счастье найдем — всем по доле делить. На беду набредем — чур мне одному.

— И мою прихвати впридачу, беду-то, — мрачно откликнулся Омея.

— Твою не возьму, — посерьезнев, ответил Яков.

— Почто?

— Прожорлива больно, не прокормить.

Захохотал и стал ловить листья в кулак.

Войско растянулось по лесной тропе, и шутку передавали едущим сзади, она катилась дальше и дальше, с добавлениями, пока не взорвалась визгливым смехом последнего ратника.

Омея сопел и смотрел на поникшие уши коня. Медлителен он умом и телом, и над ним посмеиваются все, кому не лень. Он покорно сносит обиды, разве что шлепнет пересмешника в сердцах по затылку.

Только одно задевает до боли.

Он был всегда голоден. Мальчишкой, когда дрался с братьями из-за пыльной сухой корки, найденной под сундуком. Отроком, когда княжий тун, исхлестав отца плетью по лицу, увел со двора коровенку, и они мололи тогда зерно с лебедой и липовым цветом. Потом пас Омеля княжеских свиней и копал с ними сладкие корни медвежьего лука. Младший братишка был слеп, и Омеля приносил ему корни рогоза и медвежьего лука как лакомство.

Бежал Омеля от нужды в вольный Новгород. Но волен он не для тех, у кого вся казна — порты да лапти. Пробивался случайными работами, пока не упал на дворе гончара. Три дня не евши, нанялся колоть дрова. Исколотил три поленницы и упал. На счастье, толстая повариха от доброго сердца стала потом подкармливать хозяйскими объедками.

Ему, Омеле, немного надо. Ему — работу и пожрать вдосталь. Ежели вернется из Югры с мешком серебра и мехами обвешанный, купит жареного на вертеле барана. И серьгу, как у Якова, в ухо повесит.

— О чем позадумался? — окликнул его Савка. Омеля сладко потянулся и сказал о серье.

Савка выругался про себя. Недоумок! Его головой орехи колоть.

Но Савка неспроста присматривается к Омеле. Если его распалить — осерчает и грозен будет во гневе. Не удержишь ничем.

И к другим присматривается Савка. Молчаливо, исподлобья.

Робеет Савка перед Яковым. Тот похож на оди-

чавшего жеребчика, не знавшего хомута. Словно мир — веселая степь, где вволю корма и тепла.

— Ты на мальчишку похож, — сказал Якову Зашиба, сын колдуна Волоса, черный, будто кащей. — Говорят, к старости в детство впадают.

Яков расхохотался.

— Для мальчишки земля — сказка, и он ищет чудеса. Что же в этом плохого?

«Конечно, жеребчик, — подумал Савка. — В мальчишестве все жеребчики. А как оденут хомут и впрягут в телегу, так и глаза потускнеют, вылезут ребра и подогнутся коленки. Будешь смотреть под ноги и дремать на ходу. И Тишате моему та же участь».

Ночевали в маленькой деревеньке на три двора.

Яков с наслаждением вытянулся на печи, разморенный теплом. Задремал и проснулся оттого, что зудели спина и руки. На полу вповалку храпели ушкуйники. Яков зажег лучину. По закопченной стене ползли клопы. Они вылезали из щелей, проворно бежали на потолок и падали оттуда легкими капельками. Яков стал сшибать их щелчками и палить лучиной.

Потом изругался и вышел на крыльцо. Оно было скользким от инея. Столбы покосились, как покосилась и сама изба.

На завалинке сидели колдунов сын Зашиба, Омеля и еще несколько ушкуйников.

— Завсегда она сзади идет, — рассказывал Зашиба. — Почуешь вдруг, что в затылок дышит, обернулся — хватить! А ее уж и нету, пусто в кулаке. Так она и ходит.

— Кто? — спросил Яков.

— Беда. Есть маленькие беды, а есть главная. Мне бы вот ее встретить и хребет заломить.

— Ты хоть видел ее в глаза?

— Не-е. А вот скажи, рождается человек и есть у него руки и разум. И каждый своим велик и с другим не схож. Только один родился сразу боярином, а дугой лапотником.

— Так господь предрешил.

— А почто он так предрешил? Сказывают, прежде все боги жили вместе и ели из одной чашки. И наш Христос, и дедов Сварог, и заморский Аллах, и все какие есть. Перессорились они, споря, кому первым быть, и ушли со своими племенами в разные концы земли. С той поры и затевают племена вражду меж собой, потому что их боги в ссоре.

— Голова у тебя всякой всячиной набита, — рассердился Яков.

— Это верно, набита, — согласился Зашиба.

Не то волнует Якова, не божьи споры. Манит его мутная лунная даль, будто откроется за нею такое, о чем всю жизнь тосковал. А тоска эта хуже бессонницы.

Говорят, человек поймет, что есть родина, когда потеряет ее. Говорят, прозреет он и поймет, что есть жизнь, в последний ее миг. Что ищут на земле люди? Что ищет он, Яков, сын кривого Прокши?

— Явился однажды господь перед умирающим с голоду, — снова стал рассказывать Зашиба, — сказал: — Что ты хочешь? Проси — и я тебе дам.

— Дай хлеба, — сказал умирающий с голоду.

— Только хлеба? — удивился господь бог. — Проси лучше золота. На золото ты купишь еды сколько хочешь.

— Дай золота, — сказал умирающий с голоду.

— Только золота? — спросил господь. — Я могу дать тебе власть, и все богатства твоих подданных будут твоими.

— Дай власть, — взмолился умирающий с голоду.

— Ты просишь только власти? — усмехнулся господь. — Все можно взять силой, кроме любви. А любовь дороже всех сокровищ.

— Дай мне любовь, — запросил умирающий с голоду.

— Я могу тебе дать любовь, — сказал господь. — Но разве только в одной любви счастье?

— Дай мне счастье, — закричал умирающий. И умер с голоду.

Зашиба вздохнул:

— Вот так.

Яков взял Зашибу за плечо и заглянул в лицо.

— Правду говорят, что ты сын колдуна?

— Правду, — серьезно ответил Зашиба. — А про правду и кривду тоже есть такой сказ...

— Хватит, — остановил его Яков. — И вкусным отравиться можно. Если без меры потчуют.

— Не-е, — замотал головой Омеля. — От переедания еще никто не умирал.

А утром, когда собирались в путь, Омеля вдруг захохотал:

— Ему, недоумку, кроме хлеба, и не надо ничего. А он, вишь ты, счастья захотел.

Пока добрались до Устюга Великого, маленького городишки, из-за которого шли раздоры у новгородцев с суздальским князем, пала зима.

Переснарядились по-зимнему. И снова студеный ветер сушит щеки, а рубаха мокра от пота.

Падает медленный снег на черные огнища на местах ночевок, падает на широкий лыжный след, уходящий вверх по Вычегде. Кружится над истоптанным болотом, где волки рвут брошенную ушкуйниками голову сохатого и хватают залитый кровью снег, над землянкой охотника-пермяка, где причитают женщины, потому что чужие люди на лыжах унесли с собой весь запас рыбы и мяса.

Парма... Тайга... Есть ли ей конец на земле? Тишина и снег, расписанный следами зверюшек и птиц. Чудится, что где-то в ее глубине, за дремлющими елями откроется вдруг хрустальное царство мороза и лешего.

В верховьях Вычегды, близ волоков к Печоре и Каме, стоит почерневший домишко с изгородью. Видимо, это и есть Помоздинский погост. Яков еле сдержал себя, чтобы не побежать к нему во весь дух.

Избенка была пуста, с заиндевелыми внутри стенами и запахом гнили. Столешницу выгрызли крысы, в углах бахрома тенет и копоты.

А вокруг — ни следочка.

Тоска заползла в сердце.

Ушли от избы подальше, стали рубить шалаши и нодьи. Нарочно весело и шумно, чтоб забыть запустенье и холод покинутого жилья.

Хлещет тишину топорный перестук. Мягко падают, прошуршав, снежные шапки с еловых лап, и долго не оседает колючая белая пыль. Мелко вздрагивает широкая хвоя. И вдруг тяжелое дерево, словно выпрямившись от боли, замрет и рухнет со свистом, ломая мерзлые сучья.

Яков думает о Помозде и его сынах. Вернулся к избе, постоял, сняв шапку, и поклонился ей,

перекрестившись. Земля — мачеха. Куда ни беги—
везде мачеха.

Вернулся к ушкуйникам притихший, будто
враз осунулся и потемнел лицом. Омея спросил:

— Ведь мы того охотника косоглазого, что по-
встречали, ограбили. Все, как есть, унесли. Сги-
нут теперь его ребятишки. И он.

Омея знал, что такое голод.

Яков зло ответил:

— Ну, сгинут, тебе что за дело? Мы с тобой
путь прокладываем господину Великому Новгоро-
ду. Понял?

Савка врубался топором в толстую пихту. Ру-
бил с остервенением, ухая при ударах. За ворот
набился снег и таял, стекая струйками по спине.

Кто-то подошел сзади. Савка оглянулся —
Яков. Тихо, будто в шутку, сказал:

— Тяжела у тебя рука, Савка. Не доведись
под нее попасть ненароком.

У Савки прошел по спине озноб. Стиснул зубы
и отвернулся. Неужели чувствует Яков недоброе?

Ночь шла белесая и теплая. Дым от костров
стелился низко, как полоса тумана, и щипал глаза.

— Правду говорят, что в Югре люди рогаты
и с песьими головами? И будто через дыру в ска-
ле торги ведут? — спросил Омея.

— Дурной ты, — выругался Яков. — Лучше спи,
авось морозец совсем спадет.

— Почто?

— Храпу твоего не выносит: тает, как пар.

У костра прыснули. Яков не смеялся. Омея
потер лоб, не зная, обижаться или нет. Сказал:

— Напоперек спать не буду.

Ратники повалились со смеху.

Омеля постоял, плюнул и отошел.

Ночью Савка подполз к нему. Омеля лежал на спине на пихтовой хвое, забросив руки за голову.

Белесая тьма колыхалась меж елей, выползала из-под хвои. Лес стал гуще и плотней придвинулся к костру. В вершине березки запутались звездочки и беспомощно подмигивали. Из темноты доносились шорохи. Казалось, кто-то осторожно бродит вокруг.

— Фу-бу! Фу-бу! — по-страшному ухнуло в тайге.

Омеля вздрогнул, прислушался.

— Леший.

— Он, — шепнул Савка. — Заведет нас Яков в самые его лапы.

— Не должен, — недоверчиво протянул Омеля. Он помолчал и добавил:

— Ну и жутко. Будто мы воры в чужом тереме хоронимся.

— Фу-бу! Фу-бу! — снова повторилось в тайге.

— Шубу просит. Спросить у Якова, да бросить ему шубу, лешему-то.

— Придумаешь! — вздохнул Савка. — И так косится на тебя Яков. Говорит: лопаешь за четверых, а в работе не тароват. Посмешки-то не зазря устраивает.

Савка увидел, как сузились глаза Омели, как заходили желваки на скулах.

— Не тароват, — ворчал Омеля, — да я, да я... — Он сжал кулаки и потряс ими.

— Фу-бу! Фу-бу! — совсем близко проухал голос.

Омеля поднялся — большой и грозный, постоял и взялся за топор.

— Я им покажу — не тароват. Самого лешего за шиворот приволоку, — вдруг выпалил он. — Все увидят! Эй, леший! На тебе шубу!

Тяжелыми шагами двинулся Омеля в белесую тьму.

С рассветом веселилось все войско. Видаиное ли дело, с топором на филина идти?

— Он тебя в зад не клюнул? — приставал Яков к Омеле. Тот молчал и зло ворошил палкой в костре.

«Заело», — подумал Савка и ухмыльнулся.

Потеряли ратники счет дням и неделям. Истомились, устали. Распухли помороженные лица. Кончались сухари. Яков подбадривал:

— А у Югры соболей да серебра — хоть плотину крой. Глаза разбегаются.

Вел Яков людей по приметам на берестяном чертеже и старался держаться ближе к вершинам оврагов.

Однажды, чем-то встревоженный, отошел от стоянки. Кто-то лохматый метнулся к нему из-за ствола и облапил сзади. И рухнул, подмяв под себя. Огромный бурый медведь-шатун с рассеченной головой лежал на Якове, а над ним стоял Савка. Помог он Якову выбраться из-под туши.

— Не шмякнул он тебя, атаман?

— Зашиб малость. Не забуду руки твоей, Савка, — пикнуть зверю не дал. Век не забуду.

Сбежались ратники. Савка отошел и принялся свежевать зверя.

Яков потрянул головой и подмигнул Омеле:

— Хочешь, мы тебя над Югрой князем посадим?

— Ни к чему, — огрызнулся Омеля.

— И правда, ни к чему. Проешь все царство за один прием.

Омеля покраснел, губы его скривились.

— Не тароват, говоришь! Едой попрекаешь? — он двинулся вдруг на Якова.

Тот улыбался.

Омеля мрачно огляделся вокруг.

— Уйду!

Первый раз увидели воины этого добродушно-го детину в такой ярости. И с чего? С шутки рас-свирипел.

«Самое время не дать ему остыть, — смекнул Савка, — самое время».

На стоянке, будто ненароком, он бросил ему:

— Замыслил что-то атаман. Ласков стал. Не-спроста.

Омеля молчал. Савка не знал, с чего начать разговор.

Вздохнул, потерял бороду.

— Я бы на твоём месте не простил обиды, — снова начал он. — Яков думает, что мы без него пропадем. Да не пропадем! Дорога теперь известная.

Омеля обхватил колени и сидел не двигаясь.

— А что Яков супротив тебя? — пел Савка. — Да ничто. А тайга — она все укроет.

Омеля удивленно покосился на Савку, поморгал светлыми ресницами.

— Ты о чем это?

— Тайга, говорю, все укроет.

— Укроет...

Омеля насупил, потер лоб грязной рукавицей. Спокойно спросил:

— Ты вроде бы про смертоубийство?

Савка похолодел. Он увидел, как поджались у Омели губы. Непонятно устроена у него голова: вычудит такое, чего не ждешь.

— Какое смертоубийство? — заюлил Савка. — Перекрестись, Омеля. Я говорю, — тайга — она страшная, все пропасть можем. Придумаешь — смертоубийство! — И задом, задом попятился от Омели. Тот провожал его тяжелым подозрительным взглядом.

«Пошто он мне про обиды толкует? — соображал Омеля. — Со своей корыстью толкует? Тайга — она все укроет... Не добро у него на уме...»

Трое ушкуйников ушли по следу лосиного стада и не вернулись. Ждали их день — и двинулись дальше.

Пал мороз, обжигавший горло и легкие. Воздух шуршал при дыхании.

Под снегом и льдом была топь. На широких сугробах-кочках стояли чахлые промерзшие сосенки. По сосенке на каждой кочке.

Молодой ратник, протаптывавший путь, вдруг взмахнул руками и провалился под снег. Он барахтался в черной жиже, она дымилась белым густым паром и расползалась, съедая снег. Ушкуйники отступали.

Ратнику бросили вывороченную сосенку. Он не мог ухватиться за нее побелевшими пальцами, вцепился зубами. Глаза у него были желтыми и безумными.

Он окунался в топь без крика. Вода подернулась ледком, а под ним колыхались белые пузыри.

Теплые ключи!

Ушкуйники уходили от этого места торопливо, не чувствуя усталости. Пока не пала ночь.

А с нею пришел страх, от которого немели плечи и мутился разум.

На кочках горели маленькие костерки, и люди жались друг к другу — только бы не уснуть, только бы не уснуть.

Савку знобило. Он сжался в комок, чтобы сохранить тепло. Завел непутевый атаман. Никому не выйти из этой пустыни, нет ей конца. Так пусть сперва сам хлебнет черной водицы. Сейчас людям только шепни, взбудоражь их — разорвут Якова. Но Савка медлил. Слипались веки.

Виделось ему, будто в сенокосный зной, разомлев от работы и жара, прилег он под копной у дороги. А сынок Тишата поднес к его губам жбан с ледяным квасом. У Тишаты облупленный от загара нос и широкие, как у матери, белые зубы. Он смеется, квас пахнет сухими цветами хмеля. Савка силится улыбнуться и не может. Лень и дремота растекаются по телу.

Как в маленькой ямке сжались маленькие люди, а над ними опрокинулось огромное звездное небо и тишина. Ужас и трепет проникали в сердце от этой огромности мира и беспредельного холодного безмолвия.

Яков запел молитву. Он был похож на колдуну, на призрак — у сиротливого костерка, с возведенными к небу руками. Ушкуйники, охваченные глубоким чувством торжественности и одиночества, глухо повторяли его слова. Они стояли на кочках у маленьких кострищ, закутанные до носов. Это была странная молитва — христианскому богу и водяному, взявшим в жертву белозубого ратника, звездам и смерти, безмолвию и далеким новгородским людишкам, спавшим в тепле.

Она была больше похожа на стон, на немую песню.

Яков сорвал голос. И тогда запел Зашиба, сын колдуна Волоса.

Во долинушке — злой пустыне
Не лебедушка криком кричит —
Бесportoшные люди — ушкуйники
Из полона-неволи идут.
Ты укрой меня, злая пустыня,
Чтобы враг меня не настиг,
Он мне вырежет печень и сердце —
Встрепенется оно на ноже.

Яков хрипло приказал собираться в путь. Они будут идти и день и ночь, пока не пройдут пустыню. Иначе — смерть.

Беспредельным и синим было небо в холодных огоньках звезд. И густая краснота углей на кочках казалась холодной.

Войско уходило в темноту, в холод.

Через два дня, когда вышли в чистый сосновый бор, Яков позволил большой отдых вконец измотанным людям.

ЛЕШИЙ

Якову приснилось, будто пузатая, в его рост жаба вылезла из-под корня и уставилась на него тусклыми, как влажные камни, глазами. У нее были вывороченные губы и темный горб. Она коснулась его ще-

ки теплой шершавой лапой. Яков стряхнул ее и открыл глаза.

Громадная губастая морда склонилась над ним и шумно втянула воздух. Широкий, как лопата, рог качнулся на фоне темного неба.

Яков на миг онемел. Вдруг стало жарко, а под лопатками побежал озноб.

Морда вскинулась выше ели, и тень громадного зверя метнулась во тьму. И будто еще тень — человека — исчезла за нею. Они убегали, ломаясь сквозь заросли, тяжело подминая снег.

Яков вырвал из изголовья топор и вцепился в рукоять до боли в пальцах. Ему показалось, что стоявший над ним зверь был невероятно огромным.

Тускло шаяла нодьа, постреливая искрами в снег.

Тишина отдавалась в ушах тонким звоном. И вдруг застонал кто-то, заухал и смолк, прислушиваясь. Осторожно пошел вокруг лагеря: хруст-хруст. И снова тонкий и резкий свист метнулся из ночи. Казалось, что свистят со всех сторон.

Ушкуйники сбились группами и не смели дышать. Были напряжены, как и тетивы их луков. Вот он, настоящий леший.

Всю ночь хохотал и свистел леший. То продирался сквозь чащобу, то осторожно крался в мерцающем мраке. Кричал:

— Уходите! Уходите!

С рассветом он ушел.

Ушел торопливо, будто убегал. А может быть, и притаился.

Разговаривали шепотом.

Проснулся Омеля и не мог понять, чем встре-

вожены люди. Настоящего лешего он проспал. Но ушкуйникам было не до смеха.

В тайгу уводили глубокие следы сохатого, а рядом шла свежая широкая лыжня. Словно охотник прошел за лосем.

— Вдвоем был с лешачихой, — сказал Савка.

— А может, он сразу два облика может принимать — звериный и человеческий, — шепотом ответил высокий ушкуйник, заросший бородой до глаз.

— Руки, говорят, у него длинные, до пяток, и лохматые.

Ушкуйники роптали.

— Закружит.

— Здешний он, не наш.

— Из-за Омели осерчал, что с топором на него ходил.

— Ясное дело. Ежели крови лизнет — отступится.

Омеля, прижатый к тонкой осинке, непонимающе моргал. Лица ушкуйников были красны, они напирали, не поднимая глаз, будто хотели боднуть.

— Чаво вы, — хохотнул Омеля. — Я ж ничаво...

— Еще и ржет!

Савка стоял позади Омели. На него напирал и подталкивал дядька с заросшим до глаз лицом. Наплыл на глаза красный туман, только клочок белого меха, торчащий из прорванной на плече Омелиной шубы, видел Савка. Еще миг, и Савка вцепится в этот клочок. Или в шею. Не сознавая, что делает.

— Братцы, смотрите, кого я поймал?

Яков держал за уши зайца. Тот трепыхался и вращал глазами. Яков бросил зайца в толпу, зве-

рек подпрыгнул чуть не до носа Омели, выскочил из-под чьих-то ног и метнулся под ель.

Омеля вдруг остался один у осинки. Ушкуйники прятали глаза, спешили убраться.

— Я вам покажу самосуд, — со сдержанной злостью произнес Яков. — Слышите? Кто трусит — не держу. — И захохотал. — Рожа у тебя, Омеля, как у того зайчонка. Пойдем-ка мы теперь с тобой вместе к лешему в гости — авось горячих щей подаст.

Приказал Яков достать по два сухаря из тощих котомок и оставить на поваленном кедре.

Двинулись по следам лешего. Лыжня шла по вершинам овражков, лосиный след иногда отходил. Зверь останавливался у молодых осин и объедал побеги. Станный леший. Не слышал Яков, чтобы лесной хозяин грыз осиновые ветки и молодые побеги сосны.

Тайга молчала. Снег был искристым и голубоватым.

Вдруг вышли на утопанную лыжню.

— Наша лыжня, — сказал Яков.

Было видно и кострище, где они ночевали.

— Закружил, проклятый.

На лыжне стоял рыжебородый человек с голубыми глазами. Он несмело двинулся навстречу и протянул руки. У него вздрагивали губы:

— Братцы, русичи!

Он обнял Омеля и заплакал, уткнувшись в его грудь. Омеля попятился. Яков спросил:

— Кто ты?

Рыжебородый смотрел на него сияющими глазами и шептал:

— Свои, родные, мужики...

— Далеко до Югры?

В глазах рыжего метнулся испуг.

— Уходите, — мрачно потупился он. — Зачем грабить нищих.

Есть на Вятке два поселения — Хлынов и Никулицын. Их срубили беглые из Суздальской Руси мужики. Из Хлынова и ушел рыжий Ждан с женой искать обетованную землю. С верховьев Камы спустились они до быстрой студенной реки, где начинались горы. Занедужила женка и померла. На высоком камне, откуда всюду видать, выдолбил Ждан могилу и поставил желтый смолистый крест. И сам тут остался.

Старый югорский охотник Вах увидел на берегу медведя. Достал тяжелую стрелу, но вдруг медведь заругался и затряс рыжей бородой. Перед ним на суку шевелился, как живой гриб, рой диких пчел.

Рыжий потряс над ними мокрым веником и стряхнул в мешок.

Спрыгнул и заплясал под березой. У него было перекошенное распухшее лицо и совсем заплаыл один глаз. По рубaxe ползали быстрые пчелы.

— Эй, — позвал он Ваха. — Чего рот разинул?

Вах несмело подошел. Намотав на руку шапку, стал сбивать пчел.

Потом они хлебали у костра уху, смеялись и хлопали друг друга по спине.

Рыжий умел делать железо и ткать из крапивы полотно, ведал, каким потом надо полить каменистую землю, чтобы стала рыхлой и родила рожь. Он умел приручать диких пчел и вырубать богов из мягкой липы.

Он поставил избу с крытым двором на лысой рёлке и выменял у Ваха двух собак на топор. Вах прищелкивал языком и не мог нахвалиться дружкой с рыжим чужаком.

Шаманка Тайша, старуха с лицом сороки, сказала:

— Куда пришел один — придут и другие.

Старый Вах замахал на нее руками:

— Он сделал ручным лосенка и хочет пахать на нем землю, когда тот вырастет. Он научит нас делать железо и хлеб. Пусть он будет нашим другом.

Князек племени сказал:

— Пусть жжет сигнальный костер, если увидит пришельцев. И платит десятую часть от меда, хлеба и добычи.

Рыжий Ждан выходил на скалу, сидел на камне возле креста, разговаривал с могилой, смотрел туда, где засыпает солнце. Он ждал своих. Пять весен и зим.

Много ли человеку надо? Клочок поля и баньку, чтоб пропарить уставшие кости, студеный ключ под горой и уверенность, что ты сам себе хозяин. А еще — живую душу рядом, ибо при одиночестве не узнаешь свободы.

Югорские охотники пугливы, как дети, и подозрительны, как старухи. Поклоняются женщинам, не в силах постигнуть тайну рождения ребенка, почитают серебро, луну и медведя и приносят жертвы рубленным из кедра идолам. Как дети.

Однажды увидел рыжий Ждан далекие костры и людей. Это было новгородское войско. Ждан не зажег сигнальный костер. Ждан ушел лешим вокруг лагеря. А потом вышел навстречу.

— Земля здесь не мерена, — сказал он сгрудившимся ушкуйникам. — Вместе обживать станем. Югра, если к ней по-соседски, не тронет. На первый случай избенка есть у меня, баня. Красную степную корову выменял у югры, хоть молока от нее, как от козы. Собаки есть у югры для упряжки и олени — от самоеди их приводят, с севера.

Новгородцы слушали молча, у каждого есть она — мужицкая тяга к вольной земле. А семьи как? А дома?

— Правда, что серебро югра лопатами гребет? — спросил Савка.

— Про то не ведаю, — нахмурился Ждан.

— Для чего ты все это рассказываешь? — прищурился Яков. — Чтоб смуту в людях посеять? Кто тебя подослал?

— Никто не слал. Сам зову — оставайтесь добром, здесь воля.

— Ишь, — усмехнулся Яков. — Леший. Ведь это ты нас пугал? Ночью. Ты закружил, чтоб с дороги сбить?

— И верно, — насторожился Зашиба. — Вона сотоварищ его за елушником.

Над молодыми елочками покачивала рогами лосиная голова.

Ушкуйники много дней не ели мяса.

— Лоська, беги!

Три стрелы впились в шею сохатого. Он захрапел, вскинувшись на дыбы. В шею вонзилось копьё и еще несколько стрел. Кровь хлестнула в несколько широких струй. Сохатый упал на передние ноги и выворотил рогом пень, бросился вперед, где только что стояли люди. Ждан шел ему навстречу, бормоча:

— Лосенька, лосенька.

Сохатый смял его и отбросил копытом. Он топтал сумки и лыжи, бил рогами в ели, на которых спасались новгородцы, метался и хрипел, поливая снег широкими полосами крови. Наконец, встал на колени, зашатался и опрокинулся.

ЗОЛОТАЯ СЕРЬГА

Яков решил подняться на вершину ближайшей горы, осмотреться. С ним увязался Савка.

На лысой плоской вершине снег был плотен, как наст. Он навис козырьком над пропастью. Савка глянул вниз и отшатнулся — далеко внизу, как темная

травка, щетинился лес. Сорвись — и разобьешься не сразу. Яков стоял близко от обрыва, придерживаясь за куст кедрового стланика.

Гудел ветер — здесь всегда гудит ветер. Внизу плыли лохматые, как дым, облачки. Они цеплялись за вершины кедров, и казалось, что гора дымит. Солнце было очень ярким — слепило до боли в глазах, а проплывшая тучка — неестественно синей.

— Вон югорские городища, — показал Яков.

Голубоватые горбы гор сливались с небом. Внизу, как дорога меж скал и леса, виляла река. Далеко на север, где черный лес становился синим, были видны дымки.

Яков улыбался.

— Земли сколько.

Он снял лохматую собачью шапку, подставив ветру лицо. Вырвал серьгу из уха, медленно размахнулся и бросил ее, как камешек, в солнце. Она сверкнула над пропастью, и Савка подался за ней. У него тряслись коленки.

— Ого-го! — хрипло кричал Яков и хохотал.

— Не пойму тебя, атаман. Чудишь... — сказал Савка.

— Тоскливо, если не чудить.

Савка смотрел на спину Якова и чувствовал, как надуваются на шее жилы. Он ненавидел Якова люто и страшно. Баловень! Савка ползет к богатству, обдирает ногти. А тот швыряет золотом и хохочет. Толкнуть сейчас... Да, самое время исполнить боярский наказ.

Потными и тяжелыми стали руки.

— Вольно здесь, — сказал Яков.

— Вольно, — беззвучно шепнули посиневшие Савкины губы. Он вытянул руку и толкнул в широкую спину. Дрогнула рука, не силен был толчок.

Яков, качнувшись, шагнул вперед и упал на спину, вдавив локти в снег. Ноги висели над краем снежного карниза.

— Держись.

Скачками летел к обрыву Омеля. Карниз хрустнул и разошелся трещиной. Яков сильнее вдавливал в него локти.

Савка отступал, не помня себя. Видел, как упал Омеля, схватив Якова за ворот. Карниз рухнул, и Яков повис над пропастью.

Савка бежал с горы, проваливаясь, падая, продираясь сквозь буреломы и заросли. Бежал, не

зная куда и зачем. Только бы дальше от своих, от Омели. Он потерял шапку, разбил в кровь лицо.

Опамятовался он у реки. Стал жадно хватать пригоршнями снег и есть. Потом упал в снег и застонал. Громко и отчаянно, как раненый зверь.

На том берегу тоже кто-то громко простонал. Савка замер.

На другом берегу была серая изъеденная трещинами скала.

Тихо.

— Наваждение! — ругнулся Савка.

— Ждение, дение, ение, — повторилось на том берегу.

Савка торопливо и крадучись стал отходить от колдовского места. Он уходил к югорскому городищу.

В ЮГОРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Крытый берестой дом югорского князька с двумя крохотными оконцами стоял отдельно от других, на широкой площадке, окруженной рвом.

На Савку бросились лохматые лайки, но сопровождавшие его югорские охотники отогнали палками злобных псов. У дома стояла старуха с круглыми глазами, закутанная в меха — шаманка Тайша. Она обошла Савку кругом, пристально осматривая, и приказала войти.

В доме полутемно. На земляном полу выложен очаг из серых камней. В нем тлеют уголья, из котла над очагом идет вкусный мясной парок. У Савки дрогнули ноздри, и он проглотил слюну.

У стены устлана рысьими шкурками невысокая лежанка. С нее поднялся маленький старый князек с редкой бородкой и черными, как спелая смородина, глазами. Разрисованная красными узорами куртка, пошитая мехом внутрь, подхвачена серебряным пояском. На груди у князька ожерелья из серебряных монет.

Савка поклонился князьку, коснувшись пальцами земли.

Шаманка Тайша присела на корточки у очага и смотрела на уголья.

У князька затряслись губы. Он что-то спросил Савку на непонятном языке и, подумав, повторил, неуверенно выговаривая каждый слог:

— Кто ты?

— Прежде спроси — зачем пришел, — дерзко ответил Савка.

— Зачем пришел? — спросил князек.

— Как друг, — ответил Савка. — Идет к тебе войско новгородское, за данью.

Князек обхватил голову и заметался:

— Ай-ай, беда идет.

Монеты у него на груди мягко звякали.

Савка струсил.

Уходили последние надежды. Он торопливо выпалил:

— Невелико войско-то. Полторы сотни топоров осталось. Да и притомились люди — их теперь голыми руками взять можно. — Он вытянул свои ручки с узловатыми цепкими пальцами.

Князек остановился, что-то соображая. Недоверчиво глянул на Савку. Тот загреб руками воздух, сжал кулак и придернул им:

— В мешок заманить и стянуть.

Князек покачал головой.

Шаманка резко вскочила и уставилась на Савку круглым черным глазом.

Он оробел, голова вжалась в плечи.

— Наши люди доверчивы, ежели с ними ласково...

Князек опустил на лежанку и долго сидел так, медленно покачиваясь. Шаманка ткнула Савку пальцем в грудь и захохотала:

— Не бей первых оленей — они приведут стадо.

У нее были редкие желтые зубы и темное, похожее на сморщенный гриб, лицо.

Югры держали совет. Самые старые и достойные охотники пришли к очагу князька.

— Вах привел Рыжего, — сказала Тайша. — Рыжий привел чужаков. Пусть ответит Вах.

Вах пожевал губами. У него были ясные глаза ребенка:

— У сохатого не бывает клыков. У Рыжего не было хитрости.

— Он не зажег сигнальный костер, — прищурился князек.

Вах не ответил.

— Рысь не дерется с медведем, — сказал самый старый охотник. У него слезились глаза и тряслась голова. — Пусть возьмут свое и уходят.

— Они ограбят святилища! — закричала шаманка.

— Это так, — сказали старики.

А самый старый из них сказал:

— Крот не знает солнца, а гуси летят и видят всю землю. Страх не учит быть сильным. Дайте пришельцам, что они просят, но пусть расскажут они, почему народы за стеною леса сильнее нас.

— Ты хочешь пустить волка к оленям? Они перебьют нас поодиночке и сожгут городища, — зло напустился князек.

— Это так, — сказали старики.

А самый старый из них ответил:

— Не так. Пока мы будем жить, как медведи в берлоге, к нам будут ходить охотники с рогатинами. Много веков назад югры были единым народом и кочевали в степи, как вольные кони. Они никому не платили дани. Но пастбища скудеют, и человеки мечтают о лучшем. Югры поклонялись солнцу и пошли вслед за солнцем в страну, куда уходит оно ночевать. Они продирались через леса и болота, а солнце все дальше и дальше уходило от них. За то, что они дерзнули его догнать, леса разделили народ на малые племена. Мы деремся друг с другом из-за лучших земель и боимся чужого глаза. Все скопленные богатства кладем к ногам золотой женщины. А другие народы ставят большие города, меняют друг у друга товары. Они, как юноши, растут и мужают. А мы дряхлеем и старимся. Пусть идут с пришельцами в их земли наши и учатся быть молодыми.

— К старости люди становятся детьми, — фыркнула шаманка Тайша. — Ты хочешь нарушить заветы богов и предков? Они жестоко отомстят нам за дерзость. Все будет так, как хотят они!

И старуха трижды ткнула пальцем на небо и горы.

...Новгородцев удивила странная тишина в городище. Они взломали ворота.

Тепла была зола в очагах, лабазы были распахнуты и пусты. Возле домов валялся нехитрый скарб. Югры ушли.

Ушкуйники метались из дома в дом — пожить здесь было нечем. Кто-то ободрал со стены рысью шкуру, кто-то нашел связку мороженой рыбы, бронзовые подвески и пояс. Из-за поношенной меховой малицы завязалась драка.

Из-за частокола испуганно выглядывало оранжевое солнце. По багровому снегу и стенам легли резкие тени.

Яков с недоумением осматривал низкие, похожие на длинные землянки, дома. В каждом, наверное, человек по сорок живут. И это хваленая Югра, о богатствах которой складывают легенды? Куда же они пользуют серебро и меха, ежели даже поселения их похожи на бедные новгородские деревни?

Рыжего Ждана положили у очага, раздув огонь. Над ним хлопотал Зашиба. Ждан кричал от боли и дрожал. У него было разбито плечо и смяты ребра.

— Что замышляет югра? — спросил Яков.

Ждан отвернулся. Яков подсел к нему.

Час назад рыжий рассказывал ему о братьях Помоздиных. Ждан их не видел и не знает. Только слышал, будто ушли они за Каменный пояс — сказывают югры, что есть там счастливая земля, где люди не знают вражды. Ушли — и сгинули.

— Зачем вы пришли сюда с бедой? — заговорил Ждан, пытаясь приподняться. У него клокотало в горле. — С бедой и колчанами, полными

стрел? Незнаемый народ — все равно как не человеки, нет к нему жалости. А ты приглядишься к нему, узнай, пойми. Югру обступают леса и горы, из болот выходит гнус, с Полуночного моря и летом налетают вьюги. Здесь всего вдоволь — зверя и рыбы, камня и золота. У югры не хватает сил раздвигать лес, нет умения делать землю кормилицей, добывать железо и медь...

В слюдяном оконце метнулся алый ответ — кто-то с досады запалил дом.

У Якова раздулись ноздри — разгулялась вольница! Он вдруг понял, что уже не в силах ее унять, не в силах сдерживать больше людей. Он почувствовал усталость. Все стало безразличным. И югорские соболя, и дом — все на свете. Словно пришел он не туда, куда так стремился.

— Останови стрелу на полете, — усмехнулся он Ждану. И выбежал из дому.

Пламя расползлось по углу дома, шипело, облизывая снег на низкой крыше.

Яков приказал выступать. Отозвал в сторону Зашибу.

— Коли со мной что случится — на тебе все заботы. Сохрани людей. Обратный путь будет еще тяжелее.

— С чего приуныл, атаман?

— Так. Повитуха мне нагадала когда-то греть костями мерзлые камни чужой земли.

Яков был мрачен, подавлен.

Дым пожарища стелился низко по зубьям частокола, скрывая оранжевое солнце.

Второе городище тоже нашли покинутым. Заночевали, к полудню подошли к третьему.

Оно стояло на крутом холме в изгибе реки.

Прибыли послы от югорского князька. Их было трое. Старый охотник Вах передал Якову серебряное блюдо с соболиными шкурками.

— Югра русь не ждал, — Вах смотрел себе под ноги, словно был чем-то обижен. — Югра дань не готовил, серебро не собрал, соболей не собрал. Югра пошлет за ними, русь подождет.

Яков встревожился — не затевает ли что князек? Впрочем, все равно, войско устало, чтобы идти на ссору.

И он согласился.

— Хочу смотреть Рыжего, — мрачно сказал старый Вах.

Ждан лежал у костра, закутанный в тулуп. Он отвел глаза, когда подошел к нему Вах.

— Ай, у сохатого оказалось сердце хитрой росوماхи. И старый Вах поверил росوماхе! Ай!

Послы ушли.

Новгородцы ждали, разделив последние сухари. Варили в котлах березовую кору и жевали мерзлые сережки сосны.

А в городище не соболя и серебро — копилось югорское войско. По вечерам перед домом князька полыхал костер и металась вокруг него в диком танце шаманка Тайша. Сначала она долго курила, сидя на корточках у костра, набив трубку кусками сушеного мухомора. У нее белели щеки, а взгляд становился мутным. И она вдруг начинала скакать и выгибаться. На ней была маска с рогами горного козла. Ленты на ее бубне и поясе металась и вспыхивали в отсветах костра.

Савку усаживали рядом с князьком среди старых югров. У него затекали ноги во время игрищ.

У шаманки был грубый мужичий голос. Савка не понимал слов. Что-то зловещее было в ее каркающих выкриках.

— Э-э, Пор! Ты не видел кровь жертвы?

Ты пил ее.

Я говорю тебе.

Пробудись и слушай.

Эта земля принадлежит нам,

Ее пришли грабить.

Иди за тем,

Кто пришел сюда красть.

Сломай ему шею.

Пусть пойдет кровь у него изо рта.

Пусть пойдет кровь у него из носа.

Сломай ему хребет.

Убей!

Убей!

Убей!

— Убей! Убей! Убей, — повторяли воины и тыкали копьями в снег.

Савка страшился подумать о том, что должно случиться. Он ни о чем старался не думать. Разве он виновен, что так запутала его жизнь? Люди запутали. Только один человек понял бы — сынишка Тишата. Если не погиб он еще от хворобы, сверлящей кости.

...Тревожно прислушивались новгородцы к игрищу и песням за частоколом. Слишком долго князек собирает дань. Охватывало отчаянье. Снова прибыли послы, теперь только двое и без даров. Старого Ваха с ними не было.

— Дань приготовлена, — сказали послы, — князек приглашает лучших людей в гости. Просит

не брать с собой оружия — на пиру оно не понадобится.

Яков и еще десять воинов ушли с послами в городище. Рыжего Ждана везли на лыжах, как на санках. Он сжал зубы, чтобы не стонать.

У дома князя полукругом у костра на жестких лосиных шкурах сидели князек и старшины. Новгородцам показали место напротив. И только они присели, югры кинулись на них и скрутили руки.

Шаманка Тайша подолгу смотрела в глаза каждому и хохотала.

— Зачем ты пришел? — подступил к Якову князек. Он сутулился, будто хотел Якова боднуть.

— За данью, — удивился Яков.

— Почему мы должны отдать тебе наше добро?

— Не мне — Новгороду. Не своею волей мы пришли. Мы — его люди. И за каждый волосок, что упадет с нашей головы, ты ответишь ему.

— Русь — Югра — равные братья. Югра не платит дань, — закричал князек.

Яков ничего не ответил. Только показал на Ждана.

— Его не троньте. Он не виноват перед вами ни в чем.

— Что он говорит? — спросил Ждана князек.

Ждан промолчал.

— Он говорит, что не Рыжий их привел, — сказал Вах. — Это правда, Рыжий?

Ждан не ответил.

В стан новгородцев снова прибыл посол. Один. Он сказал, что мужи новгородские пируют со старейшими и приказали еще тридцати воинам идти в город за данью. Оружие брать не велено.

Новгородцы шли сквозь тесный молчаливый

строй югров. Впереди шагал Омея. Шагал широко, уперев руки в бока. Остальные едва за ним поспевали.

Вдруг югры расступились. Омея почувствовал удар в плечо, удивленно покосился — из плеча торчала стрела. Он вырвал ее. Увидел, как рядом упал воин, словно подвернув ногу. Второй, третий...

Омея, взревев зверем, выхватил кол и взмахнул им над головой. Югры отпрянули, побежали. Он гнался за ними с поднятым колом. И вдруг встал. Он увидел Савку. Они встретились взглядами.

Омея не сразу сообразил, что это Савка. Откуда он здесь?

Савка юркнул за дом, за спины югров.

— К войску! — крикнул кто-то из новгородцев.

— К войску! — заорал Омея.

Размахивая колом, он кинулся к воротам и с маху высадил их плечом.

Вдогонку ушкуйникам взметнулись стрелы.

В стан новгородцев добежал Зашиба Волос. Он перекрестился и упал на снег. На брови у него запеклась кровь.

— Измена, — прошептал он и вдруг завопил тонко и отчаянно. — Спасайтесь!

Омея очнулся ночью. Ему привиделось, что он в жаркой бане и в полушубке в ней сидеть нестерпимо. Он стал сбрасывать полушубок и очнулся от боли.

Перемигивались низкие звезды. Омея не мог понять, где он. Вспомнил Савку. И подумал: «Замерзаю».

На глаза наливалась дремота, и не хотелось шевелиться. Свинцовая тяжесть была в затылке,

ныли нога и бок. Из него торчала стрела. Омеля выдернул ее с мясом. И побрел, зажимая рану.

Ему казалось, что идет он очень долго. Где-то лаяли собаки, шумели люди. Омеля поднял голову. На взгорье маячила зубчатая стена частокола. ...Югры торжествовали победу.

К костру перед домом князька привели белого коня и привязали к столбу. Он стоял копытами в серебряных блюдах. Его забили кинжалом и пили теплую кровь, хлестнувшую фонтаном из шеи. Подали Савке в голубой чаше. Он с омерзением отстранил чашу и вдруг увидел, что она тоже серебряная, с чеканной фигурой птицы. Он взял чашу и выпил кровь.

— Ты друг, — хлопал его по плечу князек. — Что желаешь, бери. Югра дружбу платит.

Савка показал на чашу.

Князек покачал головой.

— Шкурки бери. Святой металл — нет. Светлый металл — Торума, смотрящего за людьми.

Он показал на небо.

Савка подумал: «У них вроде нашего: есть в церкви казна, да не твоя. Поцелуешь позолоту на иконе — и облизнешься».

Князек велел привести Якова и Ждана. Их и еще девять лучших мужей новгородских держали в плену в тесной коморе.

Князек не хотел больше крови. Он отпустит новгородцев. Они должны рассказать в своей земле, что югры сильны и не будут платить дань.

Руки Якова были перекручены узкими острыми ремнями. Вокруг щетинились югорские копыя.

— Войско ушло. И ты иди, — сказал князек

Якову. — И этот пусть уходит, — указал он на Ждана.

— Мне некуда идти, — ответил Рыжий. Он еле стоял, держась за плечо Якова. Яков взглянул исподлобья на князька и увидел рядом с ним Савку. Тот был в югорской одежде с монетами на груди. Яков рванулся, в грудь ему уперлись копыя. Савка попятился.

— Кровь наша на тебе, Савка, — тихо сказал Яков.

— Это друг, — обнял Савку князек.

— Не отпускай Якова, — в отчаянии зашептал ему Савка. — Он соберет новое войско и вернется.

Князек отмахнулся: воевать — доля черных людей, а именитые мужи должны уважать друг друга. Пусть уходит Яков Прокшинич.

— Я сделал для тебя добро, — задергал Савка князька за рукав. — Теперь ты сделай для меня. Убей Якова.

Шаманка Тайша сощурилась и захохотала.

— Последнюю волю исполни — покажи золото бога, — попросил Яков.

Князек подумал и кивнул.

Яков, сын кривого Прокши, был убит. В дальней пещере у ног золотой бабы с монетами вместо глаз. Остальные девять пленников и Рыжий были отпущены.

Савка заторопился в дорогу. Князек его не удерживал.

Прошел в городище слух: какой-то огромный русский бродит ночью вокруг жилищ, губит людей и коней, не дает проходу никому. И будто ростом он выше кедра, а глаза у него, как два костра. Югры накрепко закрывались на ночь и даже собак

держали в домах. Кое-кто нашептывал, что от Савки пришла такая напасть.

Но князек не хотел слушать наветы. Савка принес ему победу, он проводит Савку с почестью. По его наказу несли ему югры меха: куньи, соболиные, рысьи, беличьи. Валили и валили к ногам Савки. Тот жадно хватал их, шкурки мягко скользили меж пальцев — темные, пятнистые, дымчатые.

Ночью он не спал. В доме было темно. В углу кто-то шелестел и двигался. Савка в ужасе прижался к стене, сжимая рукоятку ножа.

— Кто здесь, кто?

— Предатель, — прошептал кто-то из угла.

— Прочь! — завопил Савка.

Распахнул дверь и отскочил к стене. К нему полз на четвереньках окровавленный человек. Лунный свет упал ему на лицо, и Савка узнал рыжего Ждана. Савка метнул в него нож и помчался по дороге. Ему казалось, что рыжий гонится за ним. Сверкали его глаза. Глаза Якова, глаза Омели. Ночь редела и крутилась. Ревели звезды, редела земля.

Савка выбежал за город и отпрянул назад. Перед ним стоял Омеля. Стало тихо-тихо. Только шумное дыхание Савки было похоже на шелест льда. Омеля вдруг начал расти, расплываться. Ледяная рука схватила Савкино сердце и сжимала сильнее и сильнее. Он отчаянно закричал и рухнул.

Омеля не склонился над Савкиным телом. Он плюнул и пошел прочь.

Было тихо. Темнела зубчатая стена частокола...

Спутаны на земле дороги. Протоптали их люди. Пути племен и народов ищи по могильникам, именам рек и погостов. И по легендам. Мертвые первыми обживают новые земли. За ними идут живые.

...Сказывают, закружил леший черноглазую красавицу Дию. Отворачивал скалы, хвастая золотыми ручьями и алмазными речками, рассекал молнией землю, показывая озера черного масла и башни белого мрамора и зеленого малахита. У него были длинные до ступней руки и волосатое лицо с оттопыренными ушами. Пожелал лесной хозяин, чтобы стала Дия его женой. Девушка не могла сказать слова и только трясла головой: «Нет».

Заскрипел лесной хозяин кривыми зубами, схватил Дию за руки, она закричала. И вышел из тайги на крик нездешний детина. Схватился он с лесным хозяином, зажал его в могучих объятьях и бросил оземь. Разбился леший на мелкие брызги.

А детина ушел на гору, где стоял потемневший крест, и присел на камень у обрыва. И было в его глазах столько тоски, что солнце стало черным, как уголь. Где упиралась нога богатыря, и сейчас остался след его ступни длиной с матерого волка.

И названа та гора Полюдовым камнем, потому что был богатырь родом из новгородской земли и пришел на Урал за полюдьем. Пришел и остался.

Говорят, чтобы не пролилась больше кровь на даровые сокровища гор, завалил он их камнями. Ведь только пропитанная потом земля родит хлеб, только трудом добытый самоцвет развеселит сердце.

Завалил он сокровища, и сам окаменел.

Спутаны на земле дороги. Протоптали их люди.
Обжили они землю. И всюду встретят они тебя
хлебом и солью, если не тень меча, а дружески
протянутую руку увидят они у своих окон.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сокровища царей Востока	5
Задремавшие ветры	9
Вольный город	13
Путь	20
Леший	33
Золотая серьга	40
В югорском городище	42

Алексей Михайлович Домнин

ПОХОД НА ЮГРУ

Редактор *А. М. Граевский*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*.
Технический редактор *Г. А. Калашникова*. Корректор *Э. К. Актищева*.

Подписано к печати 29/IV 1964 г.

Формат $70 \times 108^{1/32}$ 0,875 б. л. 1,75 п. л.

(усл.-прив. 4,765 л.) Уч.-изд. 1,96 л.

ЛБ02152.

Тираж 30 000 экз.

Цена 6 коп.

Книжная типография № 2 управления по печати.

Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Зак. 439.